

ЗНАНИЕ ОТЧАСТИ И САМОПОЗНАНИЕ 1 КОР. 13, 12.

„Теперь узнаю отчасти, тогда же познаю такъ, какъ и (самъ) познался я (=позналъ себя=познаюсь=познаю себя)“.

Въ 1 Кор, 13, 9—12 Ап. Павелъ желаетъ дать возможно наглядное и общеубѣдительное представлениe о различіи теперешняго нашего знанія оть будущаго, когда изъ смертнаго и плотяно-душевнаго тѣла человѣческаго, по разложеніи его въ землѣ, произрастеть тѣло бессмертное и духовное, причемъ послѣдній врагъ упразднится (для человѣка и его Спасителя Христа) смерть и Самъ Сынъ подчинится Подчинившему Ему все, такъ что будетъ Богъ все во всемъ (1. Кор. 15, 27—28, 35—57).

Это различіе Апостолъ, по обычаю, выражаетъ сначала въ общемъ положеніи или темъ, а потомъ ближе и частнѣе раскрываетъ въ трехъ наглядныхъ поясненіяхъ.

Тема выражена такъ: „отчасти (вѣдь) мы знаемъ (и отчасти пророчествуемъ), когда же настанетъ совершенство, (тогда) это отчасти упразднится“ (ст. 9), т. е. вмѣсто теперешняго „частичнаго“ знанія (*ἐκ μέρους*) настанетъ знаніе „полное“ или „совершенное“ (*τὸ τέλειον*).

Чѣмъ же должно различаться оть теперешняго „отчасти“ и въ чёмъ можетъ состоять это будущее „совершенство“ или „полнота“ знанія человѣческаго?

На этотъ вопросъ Апостолъ отвѣчаетъ въ слѣдующихъ трехъ поясненіяхъ, по мысли Апостола — общепонятныхъ, общеизвѣстныхъ и общеубѣдительныхъ.

Первое — рѣчь, думы и разсужденія младенца и взрослого мужа: „когда я былъ младенецъ,—говорилъ какъ младенецъ, разсуждалъ какъ младенецъ; когда же сталъ мужемъ я,—

упразднилъ младенчество свое" (т. е. рѣчи, помыслы и разсужденія младенца). Для каждого читателя посланія, будеть ли то коринеянинъ апостольского вѣка или нашъ современникъ, вполнѣ понятно и безъ труда можетъ быть провѣрено это разъясненіе Апостола. Вѣдь каждый взрослый мужъ былъ и младенцемъ, каждый по себѣ самому знаетъ и на другихъ легко можетъ провѣрить разсужденіе Апостола. Такимъ образомъ, Апостолъ основывается на *самосознаніи* и *непосредственномъ опыте* каждого человѣка, представляемаго имъ, какъ нерѣдко, въ своемъ собственномъ лицѣ. Знаніе будущее, говорить Апостолъ, стоитъ къ настоящему въ такомъ же отношеніи, въ какомъ возмужалость находится къ младенчеству. Это—не другое какое-либо новое и прежнему существенно - противоположное или ему совершенно чуждое состояніе, напримѣръ, чисто-духовное въ отличіе отъ тѣлесно-духовнаго или переходъ духа въ другой (нечеловѣческій) образъ тѣлесности, но это—только развитіе болѣе совершенной и духовной тѣлесности изъ теперешней плотяности и душевности, соотвѣтственно чему и знаніе человѣка достигнетъ высшей степени глубины, широты и ясности. Теперешнее знаніе человѣка по сравненію съ тогдашнимъ будетъ тѣмъ же, чѣмъ лепеть и представлениа ребенка являются предъ разумомъ и понятіями взрослого человѣка, азбука—предъ наукой, грамотность — предъ творчествомъ, ученье—предъ знаніемъ.

Второе—зрѣніе предметовъ чрезъ зеркало гадательно, и видѣніе ихъ лицомъ къ лицу: „смотrimъ вѣдь теперь чрезъ зеркало въ загадкѣ, тогда жъ—лицомъ къ лицу“ (ст. 12). Разъясненіе—опять вполнѣ наглядное, общепонятное и доступное провѣркѣ каждого. Вѣдь всякий знаетъ, что въ зеркаль только *отражается* и притомъ лишь *внѣшній образъ* предмета, а не самъ предметъ въ его существѣ и внутренней природѣ (даже животныя умѣютъ отраженіе предмета отличать отъ самого предмета). Поэтому *отраженіе въ зеркаль* даетъ только возможность *гадать*, заключать и предполагать о предметѣ, а не видѣть самъ предметъ лицомъ къ лицу. Зеркало, напримѣръ, отражаетъ человѣка. Но это—не самъ человѣкъ, его духъ, тѣло, мысли и чувства, но только—тѣнь человѣка, отраженіе свѣтовыхъ волнъ отъ его виѣшняго облика. Чтобы знать этого человѣка, надо видѣть не

внѣшній только обликъ его въ зеркалѣ, но стать съ нимъ въ непосредственное общеніе, лицомъ къ лицу. Въ отношеніи къ духовному и душевному состоянію человѣка мысль Апостола совершенно ясна для каждого. Въ душевномъ состояніи человѣкъ только узнаѣтъ и угадываетъ, чрезъ посредство внѣшнихъ органовъ чувствъ и умозаключеній, тайны бытія по отраженію божественной дѣйственности (идей и силъ божественныхъ) въ плотяно-чувственной формѣ видимаго міра, какъ въ зеркалѣ. Онъ смотритъ на тѣни и образы божественной дѣйственности и по нимъ уже гадаетъ о невидимомъ существѣ Самоистинѣ (Римл. 1, 19—20). Но когда изъ душевности перейдетъ человѣкъ въ духовность и изъ-подъ плотяной земляности вырастетъ на просторъ духовной небесности, тогда разобьется это зеркало, онъ увидитъ истину лицомъ къ лицу, чистымъ сердцемъ узрить Бога и дивную красоту божественной жизни будетъ созерцать напосредственно въ ея Самоисточникѣ.

Среди этихъ вполнѣ ясныхъ и личному опыту каждого доступныхъ, а потому совершенно объективныхъ и неотразимыхъ, разъясненій тѣмъ неожиданѣе встрѣтить *третье*, если понимать его въ общепринятомъ толкованіи: „теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я *познанъ*“ (Русскій Синодскій переводъ),—или Славян: „нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, яко же и *познанъ* быхъ“, при чемъ подразумѣвается субъектъ при страдательномъ: „Богомъ“ или „отъ Бога“. Въ подлинникахъ: *ὅτι γρύῳ εἴη μέφονται τότε δὲ ἐπιγρύῳμαται καθὼς καὶ ἐπεγρύῳθηνται*,—варіанты: *γρύῳμαται*—только К—Моск. Син. Библ. 9 в. и *εγω* приб. предъ *ἐπεγρύῳθηνται* F gr Кембр. 9 в. G Дрезд. 9 в. d лат. Кларом. 6 в. (опуская et),—е лат. Петерб. 9 в. и Кипр. Hart. 1, 155, 8 въ мн. кодд. см. примѣчаніе подъ чертою,—D gr^{*} Кларом. 6 в. *καθὼς καὶ οὐ επεγρύῳθηνται*, где ο есть ошибка, можетъ быть описка вместо *εγω*. Первый варіантъ конечно не имѣть значенія. Противъ втораго всѣ авторитеты, притомъ въ экзегетическомъ отношеніи онъ ничтоженъ, такъ какъ это *εγω* не можетъ указывать непремѣнно на личный случай съ Ап. Павломъ (его обращеніе въ христіанство), въ виду наприм. Римл. 7, 9. 13. 14. 17. 20. 21. 23. 24. 25,—Гал. 2, 19. 20,—1 Кор. 10, 29—30 др. под.

Въ чемъ же будетъ состоять разъясненіе?

Принимая ἐλεγύωθη въ страдательномъ значеніи и прибавляя къ нему субъектъ дѣйствующій ἐπ̄ τοῦ θεοῦ—оть Бога или Богомъ, толкуютъ изреченіе двояко, смотря по тому, въ какомъ смыслѣ понимаютъ аористъ ἐλεγύωθη. Одни, какъ и славянскій (познанъ быхъ), берутъ въ значеніи прошедшаго исторического и видятъ указаніе на событие обращенія Апостола въ христіанство, когда онъ, на пути въ Дамаскъ, былъ познанъ Богомъ и призванъ быть Христомъ къ вѣрѣ и апостольству.

Но при такомъ толкованіи вместо ожидаемаго и соответственнаго прежнимъ двумъ, объективно - яснаго различія между теперешнимъ и тогдашнимъ знаніемъ человѣка, получается нечто въ высшей степени субъективно - личное, интимное, одного только Апостола Павла касающеся и только его личному опыту известное, слѣдовательно основывающееся не на пропрѣкѣ со стороны читателя и его опыту доступное, но требующее довѣрія къ Апостолу и гаданія о его знаніи знанія Божія о немъ. Кромѣ того, такое толкованіе теряетъ изъ виду всякую связь разъясненія съ разъясняемымъ предметомъ. Апостоль въ такомъ случаѣ говорить, что кромѣ указанныхъ уже двухъ совершенно наглядныхъ различій между теперешнимъ и будущимъ знаніемъ человѣка есть еще третье, именно такое: теперешнее наше знаніе есть только частичное и „отчасти“, напротивъ тогда человѣкъ будетъ познавать или познаѣть также, какъ Богъ позналъ Апостола Павла, призвавъ его чрезъ Христа на служеніе Себѣ. Стой и характеръ разъясненій Апостола разрывается вставкою чего-то таинственнаго даже и для самого Апостола,—чего-то неяснаго, недоступнаго опыта и пропрѣкѣ всѣхъ, какъ два предшествующія разъясненія. Очевидно, такое разъясненіе было бы вообще не въ обычай Апостола и не соответствуетъ строю разсужденій его по данному предмету и въ данномъ мѣстѣ.

Другіе принимаютъ аористъ въ неопределенномъ (настоящемъ) времени или гномическомъ значеніи, чему вполнѣ благопріятствуетъ сравнительный союзъ καθως и употребленіе аориста у новозавѣтныхъ писателей (Иоан. 15, 6 εὰν μή τις μένη ἐν ῥμοὶ ἐβλίθῃ ἔξω... καὶ ἐξηράθη, καὶ συνάγονται... καὶ... βάλλονται καὶ καίεται,—ст. 9 καθὼς ἡγάπησεν με ὁ πατήρ, καὶ γὰρ ἐμᾶς ἡγάπησα,—8, 28—29: καὶ ὁ πέμψας με μετ' ἐμοῦ ἐστίν. οὐκ

ἀφῆκέν με μόνον,—13, 31—32: τὸν ἐδοξάσθη... καὶ δοξάσει,—1 Иоан. 2, 27: διδάσκει... καὶ καθὼς ἐδίδασεν,—Марк. 3, 21 ἔξεστη ср. ст. 21. Βεελζεβοὺλ ἔχει,—Иуд. 14; Апок. 10, 7,—въ сравненіяхъ Мате. 13, 44: εὐρῶν—ἔχρυψεν καὶ—ὑπάγει καὶ πωλεῖ ср. ст. 46. 48 Іак. 1, 11. 24,—1 Петр. 1, 24 изъ Иса. LXX 40, 7,—ср. Паст. Ермъ Vis. III, 12, 2: κατελείφθη—εξηγέρθη—ἐνεθύσατο—οὐκέτι ἀνάκειται ἀλλ ἔστηκεν κτλ. 13, 2: ἐπελάθετο—προσδέχεται κτл,—и въ частности у Ап. Павла: 1 Кор. 7, 28: ἐὰν γάμος, οὐχ ἡμαρτεῖς καὶ ἐὰν γάμον οὐχ ἡμαρτεῖν,—8, 2: εἰ δέ τις δοκεῖ ἐγνω-
κέναι τι, οὕτω ἔγνω καθὼς δεῖ γνῶναι,—о Богъ 2 Тим. 2, 19:
ἔγνω Κύριος и Римл. 8, 29—30: προέγνω—προώρισεν—ἐκάλεσεν—
εδικαίωσεν — ἐδόξασεν(Blass, Grammatik des Neutestamentlichen
Griechisch, 2 Aufl. 57, 9 S. 198; ср. Йов. 6, 17: καθὼς—οὐκ
ἐπεγνώσθη—οὕτως καύῳ κατελείφθη—ἀπωλόμην—ἐγενόμην,—сюда
же можно въ качествѣ иллюстраціи отнести варіантъ въ
кодексѣ С 5 ст. и у древнихъ христіанскихъ писателей къ
Мате. 11, 17 ἔγνω—аористъ вмѣсто настоящаго ἐπιγνώσκει).
При этомъ первое лицо глагола берется въ примѣрномъ
значеніи, какъ нерѣдко у Ап. Павла (ср. выше),—и здѣсь же
въ первомъ разъясненіи („когда я былъ младенцемъ...“).
Переводъ будетъ такой: „тогда же познаю такъ, какъ и я
познанъ или познаюсь Богомъ, или: какъ Богъ познаѣтъ человѣка“.

Но и при такомъ толкованіи разъясненіе Апостола не имѣеть
надлежащей силы, общепонятности и наглядности. Возни-
каетъ необходимый и неразрѣшимый вопросъ: какое же позна-
ніе Богъ имѣеть о человѣкѣ? Съ библейской, и въ частности
Павловой точки зрѣнія, ближайшаго и яснаго отвѣта на
этотъ вопросъ не можетъ быть дано. Въ томъ же посланіи
выше Апостоль выразительно утверждаетъ, что „Божіяго
никто не знаетъ, кроме Духа Божія... ибо кто позналъ умъ
Господень“ (2, 11. 16 ср. Римл. 11, 34 изъ Иса. 40, 13; Йоан.
1, 18; 6, 46 др.). О днѣ и часѣ второго пришествія Христова
не знаютъ даже Ангелы и Сынъ (Мате. 24, 36; Марк. 13, 32).
Приходится поэтому довольствоваться лишь общимъ и отвле-
ченнымъ понятіемъ *совершенства* познанія Бога о человѣкѣ,
какъ частнаго проявленія совершенствъ Верховнаго Суще-
ства. Но тогда Апостоль ничего бы не сказалъ новаго въ
этомъ третьемъ предложеніи сравнительно съ темою,—онъ
только повторилъ бы тему, но въ менѣе понятномъ выраже-

ніп („какъ и Я познанъ“ вмѣсто: „совершенно“). Такое явление—снова не въ характерѣ психологіи разсужденій Апостола. Да и могъ ли Апостолъ думать, что его Коринтскіе читатели, не посвященные въ логическія и метафизическія тонкости раввинской теологіи, поймутъ такой необычный для грековъ оборотъ для совершенно простого и въ темъ уже выраженного понятія „совершенства“. Наконецъ, и теологически Апостолъ не могъ сказать, что тогдашнее человѣческое познаніе будетъ совершенно, въ какомъ бы то ни было отношеніи, какъ совершенно познаніе Бога о человѣкѣ. Какъ со стороны объема, такъ и содержанія, а равно и качества,—познаніе человѣка всегда будетъ безконечно ниже божескаго, если даже и Ангелы не чисты предъ Богомъ,—и въ нихъ Онъ усматриваетъ нѣчто стропотное,—и они не знаютъ о днѣ и часѣ второго пришествія Сына Божія, —и они желаютъ проникнуть въ тайну богооплощенія (1 Пет. 1, 12).

Обыкновенно приводимыя для такого толкованія параллели доказываютъ совсѣмъ противное.

Ранѣе въ томъ же посланіи 8, 3 Апостолъ говоритъ: „если кто думаетъ, что знаетъ что, (тотъ) еще не узналъ, какъ должно знать; если же кто любить Бога, сей познанъ отъ Него εἰ δέ τις ἀγαπᾷ τὸν Θεόν, οὗτος ἔγνωσται ὑπ’ αὐτοῦ“. Прежде всего: рѣчь здѣсь о любви, какъ основѣ и выраженіи познанія не божескаго, а человѣческаго (*τις*), не познанія человѣка Богомъ, а познанія Бога человѣкомъ. Затѣмъ: по общему правилу мѣстоименіе *οὗτος*—сей, этотъ относится къ ближайшему предъ нимъ существительному (здѣсь *τὸν Θεόν*—Богъ), а не къ дальнѣйшему (здѣсь *τις*—человѣкъ, кто), какъ *ἐκεῖνος*—онъ, *тотъ*. Въ противномъ случаѣ естественно бы ожидать устраненія двусмыслия какимъ-либо образомъ. Слѣдовательно переводъ долженъ быть такой: „кто любить Бога, Сей (Богъ) познанъ отъ него (тѣмъ, кто любить Бога)“, —Бога знаетъ тотъ, кто любить Его. Рѣчь стало-быть о познаніи человѣкомъ Бога, а не Богомъ человѣка. Далѣе: очевиднѣйшею параллелью и полнымъ ручательствомъ правильности такого толкованія служить 1 Іоан. 4, 7—8: „πᾶς ὁ ἀγαπῶν—γινώσκει τὸν Θεόν, ὁ μὴ ἀγαπῶν οὐκέτι ἔγνω τὸν Θεόν: всякий любящій—знаетъ Бога, не любящій не позналъ Бога“. Наконецъ: если даже подъ *οὗτος* разумѣть человѣка, а подъ *ὑπ’ αὐτοῦ* Бога, то и тогда получается существенное различіе между обоими

мъстами, такъ какъ въ первомъ употребленъ простой глаголъ *έγραψα* и субъектъ дѣйствующій указанъ выразительно, а во второмъ стоитъ сложный *ἐπεγράψθη* и безъ выразительного указанія на дѣйствующій субъектъ, чтѣ, какъ увидимъ, имѣть рѣшающее значеніе для опредѣленія субъекта дѣйствующаго при этомъ глаголѣ,—кромѣ того, рѣчь здѣсь о познаніи не въ гносеологическомъ смыслѣ, какъ въ 1 Кор. 13, 12, а въ сотеріологическомъ и нравственно-практическомъ.

Въ качествѣ второй параллели указываютъ на Гал. 4, 9: „но тогда (въ язычествѣ) вы, не вѣдая Бога, рабствовали не сущимъ по природѣ богамъ; теперь же, *познавъ Бога, вѣриль же познаніи отъ Бога*, какъ обращаетесь опять къ немощнымъ и бѣднымъ стихіямъ... *υῦτι δὲ γνότες θεόν, μᾶλλον δὲ γνωσθέντες ὑπὸ θεοῦ*“. Но и здѣсь опять: о Богѣ употребленъ *γνώσκω*, а не *ἐπιγιγνώσκω*, и дѣйствующій субъектъ при страдательномъ не опущенъ, а указанъ выразительно. При томъ здѣсь рѣчь не о познаніи въ гносеологическомъ смыслѣ, какъ въ толкуемомъ 1 Кор. 13, 12, но о вѣрѣ и нравственно-практическомъ познаніи Бога человѣкомъ и человѣка Богомъ, т.-е. разумѣется спасеніе, совершающееся Богомъ не по закону дѣлъ, а по закону вѣры и милости. Такимъ образомъ, и здѣсь нѣть никакой параллели нашему мѣstu, или же есть антипараллель, доказывающая противное (*γνώσκω* и выразительное указаніе дѣйствующаго субъекта).

Тоже наконецъ и во Второз. 34, 10: „*Μοφῆς, ὁ τις ἔγραψεν τὸν πρόβολον κατὰ πρόβολον*“. И тутъ о Богѣ *έγραψεν*, а не *ἐπέγραψε*,—зalogъ не страдательный, а дѣйствительный, съ ясно выраженнымъ субъектомъ дѣйствующимъ,—и рѣчь о познаніи не въ гносеологическомъ отношеніи, а объ историческомъ фактѣ (Исх. 33, 11; Числ. 12, 8).

Надлежащее уразумѣніе мысли Апостола дается слѣдующими соображеніями:

1) Мы сказали, что для опредѣленія опущенного при *ἐπεγράψθη* субъекта дѣйствующаго имѣть существенную важность этотъ, употребленный Апостоломъ, сложный съ предлогомъ глаголъ. Сложность эта оттѣняетъ и иѣкоторую сложность выражаемаго глаголомъ дѣйствія или состоянія, его процессность, соотносимость и под. Примѣнимый къ че-

ловѣку, какъ существу ограниченному, условному и сложному,—онъ мало соответствуетъ представлению о Богѣ, какъ существѣ простомъ, безусловномъ, неограниченномъ и несостоимомъ,—въ Коемъ „нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны“ (Іак. 1, 17,—ср. Числ. 23, 19; Мал. 3, 6 др.), или, какъ Филонъ выражаетъ это, „Богъ (Сущее, какъ сущее) не имѣеть отношенія къ чему-либо“, т.-е. не изъ соотносимыхъ или условныхъ существъ (*οὐχὶ τῷ πρός τι*—De nat. nat. Wendl. 3, 161. § 27). Поэтому мы говоримъ о Богѣ простыми: вѣдаешь, знаешь, внемлетъ, зритъ под., но невольно какъ-то избѣгаешь сложныхъ: развѣдываешь, разузнаешь, познаешь, присматриваешься, всматриваешься, вслушиваешься под. Такъ это и въ греческомъ библейскомъ языкѣ по отношению къ употребленію простыхъ *γνῶση*, *οἶδα*, *οἴδω* и сложнаго *ἐπιγνῶση*. Постоянно употребляемый о человѣкѣ (около 143 разъ), *ἐπιγνῶση* можно признать неупотребительнымъ о Богѣ, такъ какъ въ канонѣ еврейскомъ онъ встрѣчается только одинъ разъ у Іерем. 24, 5 въ рѣчи пророка, въ будущемъ времени, и притомъ не въ гносеологическомъ значеніи „знанія“ и не для опредѣленія „познанія Божія“, а въ смыслѣ именно „признанія“, „оцѣнки“, „опредѣленія качества“. И еще трижды у Сираха (15^{19/20}, 18^{10/12}, 44^{28/26}), при чемъ въ первомъ мѣстѣ рѣчь человѣкообразная (*οὐθαλμὸι αὐτοῦ*) и во всѣхъ—не въ гносеологическомъ значеніи „знанія“, а въ нравственно-практическомъ смыслѣ „признанія“. Въ Новомъ Завѣтѣ изъ 43 или 44 разъ глаголь трижды употребленъ обѣ Иисусѣ Христѣ, конечно по Его человѣческой сторонѣ: Марк. 2, 8,—5, 30 и Лук. 5, 22,—и однажды о Богѣ—Отцѣ и Сынѣ вмѣстѣ, въ рѣчи Христа у Мате. 11, 27: *οὐδεὶς ἐπιγνώσει τὸν υἱὸν εἰ μὴ ὁ πατὴρ, οὐδὲ τὸν πατέρα τις ἐπιγνώσει εἰ μὴ ὁ υἱός*, при чемъ прямыми и ближайшими подлежащими при глаголѣ являются *οὐδεὶς* и *τις*, т.-е. мыслится на первомъ планѣ люди, а не Отець и Сынъ. Кромѣ того, имѣется важный вариантъ съ *γνῶση* въ первомъ и опущеніемъ во второмъ, встрѣчающейся у такихъ древнихъ авторитетовъ, какъ код. С Ефр. Сир. 5 в. Лат. и Вульг: *novit* (а не *cognoscit*), Іуст. Муч. Тгурh. 100 Otto ed 3 р. 356, D,—Евс. Contra Marcell. 88 д нѣк. кодд. Диодимъ De Trin. 26. 72. Злат. къ эт. м. (Въ Сир. Кур. опущ. второе *ἐπιγνώση*,—въ Сир. Син.?). Кромѣ того, много цитать у древнихъ писателей.

лѣй имѣемъ съ єѹѡ вмѣсто є҃пїѹѡбжєи: Clem. Homil. 17, 4,—18, 4. 13. 20 ed. Schwegl. 363. 383. 391. 397,—Маркосіане у Ирин. 1, 20. 3 ed. Stier. 222,—Іуст. Apol. 1, 63, otto 172, D ср. 174, В,—Клим. Алекс. Pott. 10. 109 425, 697. 866—Оригенъ ed. Rue. 1, 643. е, 726. а, 2, 537. д,—4, 284. б, 540, в дважды—Антіох. соборъ въ посл. Павла Самос. у Routh'a 3, 290,—Евс. Dem Evang. 149. б,—216, д,—С. Mrcl. 72. с (см. у Tregelles'a и Tischendorf'a). Нѣть, конечно, критико-тексуальныхъ оснований предпочтеть этотъ варіантъ (кромѣ авторитетовъ за первое чтеніе говорить и то, что оно нисколько не препятствуется и теологически, ибо є҃пїѹѡбжєи, какъ мы говорили, ближе и прямѣе относится не къ Отцу и Сыну, а къ „никто“ и „кто“—ни одинъ человѣкъ, какъ въ сир.). Однако же онъ въ высшей степени важенъ для насть тѣмъ, что вскрываетъ, такъ сказать, психологію древне-христіанскаго обращенія съ терминами ѹѡбжєи и є҃пїѹѡбжєи. Очевидно є҃пїѹѡбжєи о Богѣ также мало соотвѣтствовало теологическому сознанію древнихъ, какъ и напримѣръ „разузнаѣть Богъ“ нескладно звучить для современаго богослова.

Поэтому же и существительное є҃пїѹѡбжєи, какъ и глаголь є҃пїѹѡбжєи, указывающіе какъ бы на усиленіе акта познаванія и на вышшую ступень знанія собственно человѣческаго (Лук. 1, 4. 22,—24, 16, 31 ср. 1 Кор. 14, 37,—особенно 2 Кор. 1, 13—14 и 6, 9), изъ 20 случаевъ ни разу не употреблено о Богѣ въ Новомъ Завѣтѣ. Въ Ветхомъ же Завѣтѣ терминъ встрѣчается только 8 разъ, и ни разу—о Богѣ; тоже прилаг. є҃пїѹѡбмѡи—4 раза, и ни разу о Богѣ.

Вмѣсто того у Ап. Павла употребляются о Богѣ всегда только простыя: ѹѡбжєи въ настоящемъ времени 1 Кор. 3, 20,— єѹѡ—аор. въ значеніи настоящаго 2 Тим. 2, 19,—ѹѡбжєи—блѣдѣо въ причастіи страдальнаго аориста съ указаніемъ на Бога, какъ дѣйствующій субъектъ Гал. 4, 9,—тоже въ 1 Іоан. 3, 20: ѹѡбжєи лаута,—и постоянно, за исключеніемъ трехъ вышеприведенныхъ случаевъ, въ евангеліяхъ даже о Христѣ, хотя Его человѣческая сторона допускала и употребленіе глагола є҃пїѹѡбжєи: Матѳ. 12. 15; 16, 8; 22, 18; 25, 24; 26, 10; Марк. 8, 17; Лук. 7, 46 ср. 39; 16, 15; Іоан. (є҃пїѹѡбжєи совсѣмъ не употребляется—и о человѣкѣ) 2, 24. 25; 4, 1, 53; 5, 6. 42; 6, 15; 10, 14. 15. 27; 16, 19; 17, 26,—затѣмъ оба 2 Кор. 11, 11. 31; 12, 2, 3; 2 Нет. 2, 9;

Іоан. часто въ Евангелії; Апокал. 2, 2. 9. 13. 19,—3, 1. 18. 15,—7, 14,—19, 12,—и єфес. у Іоан. 1, 18; 3, 32,—6. 46,—8, 38.

Наблюденія эти со всею необхідимостю статистики винуждають заключеніе, что Ап. Павель не могъ бы употребить сложный глаголъ ἐπεγνώσθη о божественномъ въ дѣяніи въ гносеологическомъ смыслѣ. Какъ въ Гал. 4, 9; 1 Кор. 3, 20; 2 Тим. 2, 19 ср. 1 Іоан. 3, 20 и, если даже угодно, 1 Кор. 8, 3,—онъ поставилъ бы простой ἐγνώσθη, т.-е. сказалъ бы: „тогда же познаю такъ, какъ и“ не: „познанъ я“, или „познаюсь Богомъ“, или „познаетъ меня Богъ“, но: „знаемъ, знаюсь Богомъ“ или „знаетъ меня Богъ“. Стало-быть въ качествѣ субъекта дѣйствующаго при ἐπεγνώσθη Апостоль разумѣеть не Бога, а человѣка,—говорить не о знаніи Божіемъ, а о познаніи или познаваніи человѣческомъ, не о бого-вѣданніи, а о человѣкопознаваніи.

2) Мы говорили уже, что въ первыхъ двухъ разъясненіяхъ (младенецъ и мужъ, зеркало-загадка и лицемъ къ лицу) темы (знаніе отчасти и знаніе совершенное) будущее совершенное познаніе человѣка раскрывается чрезъ сравненіе разныхъ ступеней или видовъ человѣческаго же познаванія. Это естественнымъ образомъ предрасполагаетъ и въ третьемъ, всецѣло первымъ двумъ соотвѣтствующемъ, разъясненіи видѣть сравненіе разныхъ ступеней или видовъ тоже человѣческаго, а не божескаго, познанія.

3) Апостолъ не далъ бы, о чёмъ также было уже замѣчено нами, никакого ближайшаго поясненія относительно различія теперешняго и тогдашняго познанія человѣческаго чрезъ сравненіе его съ познаніемъ Божіимъ, какъ недоступнымъ, по учению самого же Апостола, сознанію человѣка и не умопредставимымъ для него (см. выше). Апостолъ только повторилъ бы уже высказанное въ темѣ и совершенно отвлеченнное положеніе, что тогдашнее человѣческое познаніе вмѣсто теперешняго несовершенного и частичнаго будетъ полное и совершенное, выраживъ притомъ эту простую мысль вмѣсто прежняго яснаго и прямого положенія въ весьма неясномъ и требующемъ толка: „какъ и познаюсь отъ Бога“ или „какъ и Богъ знаетъ меня“.

4) Да и теологически, повторимъ, уравненіе познанія человѣческаго, хотя бы и будущаго и совершенного, съ по-

зnaniemъ Божіимъ можеъ возбуждать недоумъніе, ибо ни по содержанію, ни по объему, ни по качеству—человѣкъ никогда не въ состояніи имѣть такое же познаніе, какое имѣть Богъ о человѣкѣ,—во всѣхъ отношеніяхъ и о всѣхъ предметахъ познаніе человѣческое всегда должно оставаться ниже знанія божественнаго,—быть именно *познаніемъ*, а не *зnaniemъ*, если даже „Ангелы и Самъ Сынъ“ по человѣческой природѣ Своей не обладаютъ такимъ знаніемъ (ср. выше).

5) Судя по 1 Кор. 8, 3 и Гал. 4, 9 при страдательномъ *ἐλεγυόμενη* Апостоль поставилъ бы *πλόθον*, если бы говорилъ о познаніи Божескомъ. Если же онъ, вопреки своему обычаю, не дѣлаетъ этого, то очевидно при томъ только единственномъ условіи, что субъектъ дѣйствующій при страдательномъ „я=человѣкъ“ данъ уже въ самомъ глаголѣ *ἐλεγυόμενη* и самъ собою ясенъ для каждого читателя. А это возможно только тогда, когда дѣйствие глагола обращено на самый же субъектъ дѣйствующій, т.-е. при *возератномъ* значеніи глагола,—въ данномъ случаѣ: „я“—„отъ себя“. Поэтому переводъ и смыслъ изреченія будуть: „теперь отчасти *узнаю*, тогда же *познаю* такъ, какъ и (я самъ) *познался* (*позналъ себя*)=*познаюсь* (*познаю себя*)“,—а въ славянѣ: „нынѣ *знаю* отчасти *тогда же* *познаю*, *яко же и познахся*“. Терепищнее *знаніе отчасти* перейдетъ въ тогдашнее *самопознаніе*.

6) Въ поясненіе къ такому переводу *замѣтимъ*:

а., Уже въ греческомъ классическомъ языке страдательное и среднее значенія глаголовъ для своего выраженія имѣютъ большинство общихъ формъ, не различающихся этимологически. Наиболѣе рѣзко это различие дано въ прошедшемъ совершенномъ и аористѣ, но и здѣсь страдательное и возвратное значенія часто не различаются.

б., Въ діалектѣ *χοινѣ* такое смѣщеніе было еще обычнѣе, какъ надо думать на основаніи новогреческаго языка, многими и глубокими корнями своими, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сидящаго въ почвѣ эпохи *χοινѣ*.

в. Въ частности для новозавѣтнаго языка можно указать: *ἐγεννήθη*—*γεννηθέν* Мате. 1, 16, 20,—(*προς*) *χολληθήσεται* Мате. 19, 5 и Ефес. 5, 31 изъ Быт. 2, 24, — *προσεκλίθη* Дѣян. 5, 36,—*ἀφθῆ* Дѣян. 26, 16,—*ταλεινόθητε* Іак. 4, 10 и 1 Пет. 5, 6,—*ἡ ἀγάπη ἐφανερώθη* 1 Іоан. 4, 9,—и у Ап. Павла Римл. 4, 20 *οὐ διεκρίθη τῇ ἀποστολῇ*, *ἄλλὰ ἐνεδυγαμώθη τῇ πίστει*, — 21

πληροφορηθέις, — 6, 17—18 *παρεδόθητε* — *εδουλώθητε*, — 1 Кор. 7, 11 *τῷ αὐδῷ καταλλαγήτω*, — 2 Кор. 5, 20 *καταλλάγητε τῷ θεῷ*, — Рим. 5, 10 *κατηλλάγημεν τῷ θεῷ*, — 1 Тим. 3, 16 *εφανερώθη*, *ῶφθη*, *ἀνελίμφθη*: ср. латин. *servari, delectari=servare se, delectare se* (Winer—Lünemann, Grammatik des Neutestamentlichen Sprachidioms, § 39. 2. S. 245).

г. Но по всему видно, что Ап. Павель *думалъ* на арамейскомъ языке (т.-е. на своемъ природномъ, на коемъ говорили тогдашние іудеи), а по - гречески только *писалъ* (ср. Дѣян. 21, 40 и 22, 2), переводя такъ сказать свои мысли на греческую рѣчь тогдашняго діалекта *κοινή*. Въ такомъ случаѣ возвратное значение *ἐπεγνώσθη* станетъ для настъ еще понятнѣе, ибо въ арамейскомъ языке (сирскомъ и халдейскомъ) для страдательного и возвратного значенія существуетъ только одна форма, образующаяся чрезъ приставку спереди къ корню слога *эт* или *ит* въ формахъ *итпее-ел* — *итпаал* — *иттафал* въ халдейскомъ и *этпее-ел* — *этпаал* — *эттафал* въ сирскомъ. Эта страдательно - возвратная форма, именно *этпее-ел* отъ глагола *йеда* — *познавать, сознавать, cognoscere*, — и стоитъ въ сирскомъ переводѣ греческаго *ἐπεγνώσθη*.

Итакъ, различіе между настоящимъ и будущимъ познаніемъ нашимъ Апостоль разъясняетъ указаніемъ на ту разницу, какая теперь существуетъ между нашимъ знаніемъ виѣшняго міра посредствомъ виѣшихъ чувствъ тѣла душевнаго и между нашимъ самопознаніемъ, непосредственнымъ и внутреннимъ знаніемъ себя самихъ. Чрезъ виѣшнія чувства мы узнаемъ только образы предметовъ или феномены вещей, а не нумены ихъ, не внутреннюю ихъ сущность. Напротивъ самопознаніе даетъ намъ вѣдѣніе о самомъ внутреннемъ существѣ нашего я, о нашемъ духѣ, его природѣ, свойствахъ и проявленіяхъ, — самодостовѣрное и внутреннее познаніе. Не чрезъ умозаключенія, догадки и предположенія, какъ бы чрезъ зеркало и въ загадкѣ, — а непосредственно, самодостовѣрно и лицомъ къ лицу, — я познаю себя, ибо субъектъ познающій здѣсь есть и объектъ познаваемый. Это — старинное *γνῶσις σεαυτόν* и позднѣйшее *cogito ergo sum* (ср. 2 Кор. 13, 5). Яснѣе, истиннѣе и достовѣрнѣе самопознанія для человѣка, какъ и для всякаго духовно - личнаго суще-

ства, иѣть и быть не можетъ никакого другаго знанія (1 Кор. 2, 11).

Причина такой перемѣны нашего знанія, по Апостолу, заключается въ томъ, что теперешнее наше *душевное тѣло* возрастаетъ въ *тѣло духовное*, вполнѣ соотвѣтствующее духовной сущности нашего я и стоящее въ непосредственно-внутреннемъ общеніи съ божественнымъ міромъ идеи или нуменовъ. Теперь эти идеи - нумены передаются человѣку только въ видѣ явленій - феноменовъ, чрезъ посредство виѣшнихъ чувствъ тѣла душевнаго. Тогда тѣло духовное станетъ въ непосредственное, внутреннее и духовное отношение и духъ будетъ отражать въ себѣ эти, родственные ему, сущности по ихъ внутренней природѣ. Не извѣтъ, а извнутри человѣкъ будетъ познавать то, что теперь онъ узнаетъ только извѣтъ чрезъ зеркало тѣла душевнаго и въ загадкѣ.

Въ этомъ отношеніи, — т.-е. по способу и образу, а не по содержанію, объему и качеству, — человѣческое познаніе можетъ сходствовать и съ божескимъ знаніемъ. Какъ Богъ знаетъ все не чрезъ посредство какихъ либо виѣшнихъ орудій, но непосредственно и всецѣло и всегда созерцаеть все въ Себѣ Самомъ, въ идеяхъ Своего Разума и въ Своемъ Логосѣ: такъ и человѣкъ, изъ душевности развившись въ духовность, будетъ въ себѣ самомъ познавать духовную сущности бытія или божественные идеи по ихъ внутренней природѣ. Такъ какъ Богъ будетъ все во всемъ (1 Кор. 15, 28), то и человѣкъ, какъ часть этого „всего“, познавая себя, станетъ познавать въ себѣ это „все“ — въ себѣ самомъ узрить Бога чистымъ сердцемъ (Мате. 5, 8), какъ и Самъ Богъ зритъ все въ Себѣ Самомъ, но только совершеннымъ образомъ.

Здѣсь наше толкованіе соприкасается и съ древне-отеческимъ, такъ какъ истинное самопознаніе человѣка есть и богопознаніе. Разница въ томъ, что, по нашему, не богопознаніе служить у Апостола поясненіемъ къ человѣкопознанію, а наоборотъ — человѣкопознаніе или самопознаніе поясняетъ намъ недоступную для насъ тайну богознанія. Апостоль желаетъ сказать: человѣкъ будетъ познавать (все, слѣдовательно и Бога) такъ, какъ познаѣтъ онъ себя самого, — откуда выводъ: совершенство божескаго знанія состоитъ въ томъ, что Онъ знаетъ (все, слѣдовательно и чело-

въка) такъ, какъ человѣкъ познаѣтъ себя самого (сходство самознанія разумѣется, повторимъ, по образу и способу, а не по качеству, содержанію и объему),—богознаніе есть самознаніе. А не наоборотъ: человѣкъ будетъ познавать такъ, какъ познаѣтъ его Богъ, — откуда выводъ: человѣкъ познаѣтъ себя такъ, какъ познаѣтъ его Богъ, т.-е. невѣдомымъ (только вообще совершеннымъ) теперь человѣку образомъ, при чёмъ не получилась бы никакого поясненія въ словахъ Апостола.

Такимъ толкованіемъ дается чистѣйшее теистическое или религіозно-бблейское представлениe о Богѣ, въ отличіе отъ пантейстического и деистического.

Разумѣя подъ Божествомъ личность, какъ бы ни опредѣлялась она, т.-е. существо живое, разумяющее и волящее, самознающее и любящее, — иначе будуть только слова, символы, мертвые абстракты, а не Богъ, какъ сила живая—получаемъ такое различіе:

По деистическому воззрѣнію, Богъ виѣ человѣка и человѣкъ виѣ Бога.

По пантейстическому воззрѣнію, Богъ только въ человѣкѣ и человѣкъ есть Богъ (виѣ человѣка иѣтъ Бога, какъ личности).

По бблейскому и религіозно - теистическому воззрѣнію, человѣкъ (какъ личность ограниченная) въ Богѣ (личности безграничной) и Богъ не виѣ человѣка и не въ немъ только, но надъ человѣкомъ и вокругъ него, ибо „мы въ Немъ живемъ и движемся и существуемъ“ (Дѣян. 17, 28),—„все въ Немъ (Сынъ Божіемъ, Образъ Бога Невидимаго, Посредникъ міротворенія и Спасителѣ) состоится“ (Кол. 1, 17 ср. 13—20),—и „будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28).

Получается такая схема разсужденій Апостола въ 1 Кор. 13, 9—12:

Тема: теперешнее значеніе отчасти сдѣлается тогда совершеннымъ.

Первое частное поясненіе: совершенство тогдашняго знанія будетъ представлять такое же развитіе теперешняго знанія, какимъ является знаніе взрослаго человѣка по сравненію съ его младенческимъ умомъ.

Второе частное раскрытие темы: совершенство тогдашняго знанія выразится въ томъ, что это не будетъ уже нашимъ теперешнимъ узнаваніемъ внѣшнихъ явлений феноменовъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, какъ чрезъ зеркало и въ загадкѣ,—умозаключительнымъ и предположительнымъ,—но познаніемъ самой внутренней природы вещей или нуменовъ—непосредственнымъ и лицомъ къ лицу.

Третье частное разъясненіе общей темы: тогдашнее совершенное знаніе отъ теперешняго знанія отчасти будетъ отличаться тѣмъ же и такъ же, чѣмъ и какъ теперешнее наше знаніе о внѣшнемъ мірѣ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ отличается отъ нашего теперешняго же знанія себя самихъ или непосредственного самопознанія: т.-е. это—не узнаваніе внѣшнихъ только явлений - феноменовъ посредствомъ чувствъ гадательно, чрезъ зеркало тѣла душевного и по-младенчески, но познаніе внутренняго существа вещей или нуменовъ,—непосредственное, чрезъ самопознаніе, чрезъ внутреннее проникновеніе духовнымъ тѣломъ въ міръ идей и чрезъ единеніе духа съ Божествомъ.

Прибавленія: къ стр. 301 стро. 13—15 сверху: кроме указанныхъ Мате. 24, 36 и Марк. 13, 32 ср. еще Іова 4, 18 по LXX и 9, 7 иѣк. ср. 25, 5 Евр. 2, 7 изъ Пс. 8, 6. Къ стр. 307 стро. 10 св. Дѣян. 26, 14. Стро. 21: иѣда=евр. יְהָדָה' стоитъ не только въ возвратно-интенсивной формѣ этпел, но и въ perfectum'ѣ (гу-לִפְנֵי), которое можетъ указывать и на неопределенное время, подобно нашему настоящему и греческому христу гномическому; Къ стр. 309 стро. св. Ср. Евр. 2, 10 др.

M. Муретовъ.